

Валерий Попов

Музы Зоценко

Валерий Попов. Русский писатель, сценарист, кинематографист. Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза кинематографистов. Автор сорока книг. Публиковался в изданиях: «Новый мир», «Звезда», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь», «Нева» и др. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры (2013), Правительства Санкт-Петербурга в области литературы и искусства (2014), Гоголевской премии за книгу «Зоценко» (2015) и др. Награжден орденом «Дружбы» (2009), знаком отличия «За заслуги перед Санкт-Петербургом» (2014), медалью Пушкина (2016). Живет в Санкт-Петербурге.

«Такой интересный красавец, тоняга, одевается. Такой вообще педант и любимец женщин... И при этом имеет имя — Лютик».

В этом герое рассказа Зоценко можно узнать самого автора. Зоценко не раз «делал автопортреты», в основном, иронические. Не зря Чумандрин так волновался за него: на «пролетарского писателя» Зоценко не походил. Будучи «монахом» в семье, живя почти в аскетической келье, «на выход» он всегда одевался тщательно. Даже в годы бедности военный френч сидел на нем элегантно.

А потом пошли неплохие гонорары.

Вера Владимировна вспоминает: «Михаил... зашел ко мне — купил себе черный заграничный костюм, очень доволен — он всегда, как ребенок, радовался обновкам...»

Щегольство помогало ему быть в форме, чувствовать себя сильным и успешным. Ему было перед кем покрасоваться. В двадцатые и тридцатые годы он был в моде, и где бы он ни появлялся — все взгляды, особенно женские — сразу обращались к нему. Он получал уйму писем и записочек: «Дорогой товарищ Мими! ... Дело в том, что мы в вас по уши втрескались (т. е. в ваши произведения). Будущие повара Рая и Тамара».

Может быть, действительно Рая и Тамара зачитывались его произведениями — но, скорее всего, они просто влюбились в «суперзвезду»: на обложках ранних своих книг Зощенко выглядит таким жестоким красавцем, героем немого кино. Такой он, примерно, и есть. «Как денди лондонский, одет», — это можно отнести и к Зощенко. Исследователи не раз отмечали влияние «дендизма» его облика на его творчество. Казалось бы — герои самые примитивные. Но!.. изучая «дендистскую» литературу, находим в Зощенко самые неоспоримые признаки денди: независимость, неприменную хандру, склонность к ироническим мистификациям (вспомним хотя бы несколько раз измененные им дату и месту своего рождения).

Явно снобистскую, декадентскую формулу положил Зощенко и в основу своей жизни, о чем написал в «Возвращенной молодости»: «основное руководство над своим телом, несомненно, заключается в умении создавать правильные привычки и неуклонно им следовать». Свой «идеал жизни» отпечатал и в своей самой откровенной книге — «Перед восходом солнца»: «Дрался в Кисловодске на дуэли с правоведом К. После чего я почувствовал немедленно, что я человек необыкновенный, герой и авантюрист».

Как пишет исследователь Зощенко А. С. Семенова: «...и хандра, и период доблестной военной службы, и рыцарская, и донжуанская темы, и изгнание, и падение после стремительного взлета — традиционные элементы биографии денди». Вспомним красавца Байрона!

Приходит на ум и блистательный Оскар Уайльд. Зощенко копирует и его внешность, и парадоксальность высказываний: «Боязнь казаться смешным — смешна», «Только новое никогда не может быть пошлым», «Красивое никогда не бывает смешным». И — самое смелое его высказывание (о себе): «В мир пришел величайший гений. Внешность — Уайльд».

Из других советских писателей к «денди» отнести можно Вагинова и Булгакова. Безусловным «денди» был ближайший друг Зощенко — В. Стенич. И это дорого им обошлось, как и Зощенко. Порой власть даже сильней раздражал стиль жизни, чем творчества. Зощенко был «чужой»! А образ нормального советского писателя был иной. И даже недостатки — иные, свои. Часто «своих» определяли именно по недостаткам: «Наш!».

В одном документальном сборнике о жизни советских писателей рассказывается, например, о талантливом поэте Павле Васильеве, прославившемся поэмой «Соляной бунт». Почему-то этот поэт постоянно накидывался с кулаками на своего однофамильца, поэта Сергея Васильева, обвиняя его в том, что тот на выступлениях читает его стихи и, значит, крадет его славу. Однажды при большом скоплении народа в Доме Писателей он заказал яичницу из десяти яиц и прямо с раскаленной сковороды опрокинул ее на голову своего соперника: «Жри, паразит!»

И такого рода поступки в среде советских писателей не были редкостью — я сам неоднократно нечто такое наблюдал. Ну, и Васильев Павел, известный поэт, тоже ни в чем таком себе не отказывал. В результате за злостное хулиганство он угодил в тюрьму. Но его выходы никого не удивляли. Хоть и буйный, а нутром — свой, нашенский!

И это — самое главное. Такому прощается все, о нем даже волнуется начальство. Лично Александр Фадеев, вождь писателей, вызволял Васильева из тюрьмы — и вызволил! И тот продолжал в том же духе — никого, в общем-то, сильно не удивляя.

Известно, что когда нависла опасность над авторами замечательной книги «Республика Шкид», Л. Пантелеевым и А. Белых, то Белых вскоре посадили, а Пантелеева, по свидетельству современников, неожиданно спасло то, что он в то время сильно пил... Пьет — значит, наш! А кто не пьет — подозрителен.

А вот Зоценко с его «старомодной учтивостью», имеющий при этом вполне сегодняшние успехи у дам, явно раздражал и начальство, и серую писательскую массу... что и сказалось.

Зоценко предпочитал бомонд.

Одна из знакомых Зоценко, Т. Иванова, вспоминает:

«Познакомилась я с ним в 1926 году в Ленинграде, на каком-то семейном торжестве у Леонида Утесова, куда привел меня Исаак Эммануилович Бабель, с которым я тогда дружила.

За столом Михал Михалыч оказался моим соседом и сразу пленил своей изысканной вежливостью и скромностью, доходящей до застенчивости.

В то время он был уже очень знаменит. Люди узнавали его на улице и в общественном транспорте. А когда я стала говорить ему, какое большое впечатление производят на меня его рассказы, он засмутился, как начинающий подросток...

(Нет чтобы яичницу на голову надеть! — В. П.).

...За все время многолетнего знакомства я не могу вспомнить ни одного поступка Михал Михалыча, бросающего хоть бы малейшую тень на тот изысканный его образ, который живет в моей памяти».

Он вел себя и говорил абсолютно безукоризненно. И, как верно заметили его исследователи, именно знание правильной речи помогало ему так виртуозно создавать «словесные вывихи», и — контролировать их, управляться с ними.

На первый взгляд, образ «денди», как мы себе его представляем, не соотносится с темными и бескультурными героями Зоценко. Ан нет. Настоящий, а не притворный денди, всегда прост. Самый известный денди русской литературы — Пушкин, — написал замечательную фразу: «Первый

признак ума есть просторечие». И Пушкин издевался над «охранителями высокого штиля», охотно пускался в просторечие: «Намедни... на скотный двор... Тыфу, прозаические бредни, голландской школы пестрый сор!» И Пушкина, как и Зощенко, не раз упрекали в нарушении канонического литературного языка. Но они создали новый язык — свободный, народный... Это только приказчики, изображающие бомонд, говорят изысканно и «культурно», как они это себе представляют... А высший свет — прост.

Пушкинские корни Зощенко очевидны — не случайно он написал «Шестую повесть Белкина» — «Талисман». Есть сходство в жизни и творчестве Зощенко и с другим знаменитым «денди» русской литературы — Лермонтовым: бесстрашие на войне, ироническое отношение к окружающим, и даже склонность к дуэлям. Известны две намечавшихся дуэли в жизни Зощенко — к счастью, несостоявшийся — с правоведом К. и серапионом Кавериним.

Несомненно, однако, и сходство (тоже неоднократно им подчеркиваемое) Зощенко с другим гигантом русской литературы — Гоголем: мало-российское происхождение, меланхолия... Не случайно Ольга Форш выводит его в своем романе под псевдонимом Гоголенко. Можно сказать, что у Зощенко прослеживаются две линии. Для денди, подобных Пушкину и Лермонтову, свойственно создание образов «лишних людей» (Онегин, Печорин), а для Гоголя и Зощенко характерны «маленькие люди»: Акакий Акакиевич, персонажи зощенковских рассказов. Однако в «Сентиментальных повестях», как и последующих, у Зощенко появляются портреты «лишних людей», как у Пушкина и Лермонтова: прапорщик, ставший ретушером — Володин, бывший денди, ставший нищим — Мишель Синягин. Это — «пророческие» автопортреты» самого Зощенко, сублимация его тревог — к сожалению, сбывшихся: ему, в конце концов, после десятилетия успеха, пришлось зарабатывать на жизнь вырезанием стелек.

Ну, а пока...

Зощенко, конечно, не был Лютиком — но производить роскошное впечатление на молодых неискушенных красавиц умел, и любил. В нем, несомненно, было что-то магическое.

Вот признание одной из поклонниц:

«Во внешности Михаила Зощенко и манере себя держать было что-то такое, что сводило с ума многих женщин. Он не был похож на роковых киноактеров, но его лицо, по словам знакомых, было освещено экзотическим закатом — писатель уверял, что ведет свое происхождение от итальянского зодчего, работавшего в России и на Украине.... его смугловатое лицо привлекало какой-то старомодной мужской красотой. Маленький рот с белыми ровными зубами, темно-карие задумчивые глаза. Малень-

кие руки. Волосы расчесаны на безукоризненный пробор. Деликатность и твердость, скорбность и замкнутость соединялись в его облике... Передвигался он неторопливо и осторожно, точно боясь расплескать себя. Чинность его и холодок можно было принять за высокомерие и даже вызов».

А вот восторженные воспоминания одной из его поклонниц — Носкович-Лекаренко, молодой в пору их встреч художницы:

«Красивое смуглое лицо, темные глаза с поволокой... Невысокий и очень изящный человек. Все в нем вызывало во мне чувство уважения и восхищения. Он был всегда хорошо одет. В его одежде не было вызывающего щегольства, ничего не выглядело с иголочки, даже галстук, но все было очень хорошо сшито и прекрасно смотрелось...

Познакомились мы, когда мне было восемнадцать лет. Я училась на графическом факультете Академии художеств, на отделении газеты, журнала и детской книги. На втором курсе меня направили на практику в редакцию "Бегемота"... Меня пригласили на обсуждение очередного номера журнала, где решалось художественное оформление и подписи к рисункам. Из литераторов присутствовали А. Флит и Михаил Михайлович Зоценко. Зоценко сидел на одном из редакционных столов, положив ногу на ногу.

С этого собрания Михаил Михайлович пошел меня провожать, и так началась наша семилетняя дружба, прервавшаяся трагическим поворотом моей судьбы и никак не заслуженной бедой Зоценко.

С концом моей практики журнал "Бегемот" закрылся...

Но дружба моя с Михаилом Михайловичем не кончилась.

Я думаю, ему было забавно и интересно знакомить меня, еще почти девочку, с недоступными и неизвестными мне ранее очень приятными сторонами жизни. Михаил Михайлович был первым мужчиной, пригласившим меня в "Асторию" поужинать.

Помню, мы угощались котлетками "минуты". Такого теперь не бывает. Это были котлеты из рябчиков, из каждой торчала рябчиковая ножка с коготками. Было ли вино, не помню. Два молодых негра в белых атласных костюмах с пестрыми поясами плясали между столиками в ярких лучах прожекторов. Очень был запоминающийся вечер. Как можно в восемнадцать лет не восхищаться такими радостями и тем, кто их доставляет? А доставлявший радости был на редкость добр и мягок в обращении — я не помню в его поведении ни одного "фо па" (от фр. faux pas — оплошность, неловкость. — В. П.), ничего похожего на малейшую бестактность, ничего, в чем был бы хоть малый оттенок грубости. И тем не менее это был чисто мужской и мужественный характер...

У меня сохранилось несколько писем, написанных Михаилом Михайловичем в тяжкие периоды неврастения, когда ему никого не хотелось видеть и ни с кем общаться.

Привожу характерные цитаты.

Лето 1929 года: "Нахожусь в некоторой меланхолии, а потому не позвонил, как собирался. Не браните нас, дорогая душечка, — мы и сами не рады, что снова нас посетила хандра... Просьба не забыть нас в нашей немощной старости".

Из другого письма, 1931 года: "Я было согласился на свой вечер в Политехническом институте (Москва), но в последний момент струсил и отказался. Не то чтобы струсил, но уж очень не люблю на публику выходить, смотреть будут, а я мрачноватый, и вообще нехорошо как-то".

12 января 1931 года: "Я много работал это время и по этой причине очень похудел, пожелтел и подурнел".

Надо сказать, что, выбравшись из очередного нервного спада, Михаил Михайлович очень хотел выглядеть получше и свежее, запудривал усилившуюся на лице желтизну и чуть-чуть подкрашивал губы...

Если кто-то Михаилу Михайловичу не нравился, он говорил: "Я не могу видеть вокруг себя этого человека". Но если кто-то был ему мил, он был всегда очень приветлив и, мне думается, боялся обидеть небрежением».

Кроме писем Зощенко Носкович-Лекаренко, написанных Зощенко в моменты депрессии и опубликованных, есть еще несколько писем неопубликованных. Дочь Носкович-Лекаренко, Нина Романовна Либерман, хранит их в красивом старинном бюваре, но не хочет их публиковать, разрешила в них только заглянуть. Да — письма сугубо личные, весьма эмоциональные... Нина Романовна разрешила лишь подробно рассказать о письме Зощенко ее маме, написанном в 1937 году. И это письмо хранится в этой семье с особенной гордостью, как самая ценная реликвия! Горюя о том, что неизданные письма Зощенко так и остались в красивом бюваре, я, тем не менее, уходил из этого дома вдохновленный: дом этот хранит память прошедших лет — на стенах работы знаменитого художника Рудакова, портрет юной Лекаренко, книги Зощенко с дарственной надписью... Есть еще в нашем городе такие дома, где память о Зощенко, о той эпохе, еще жива...

И есть немало сведений о его «романах». Отношения с Носкович-Лекаренко носили серьезный характер, а в конце даже и драматический. Но Зощенко предпочитал более легкие отношения. Своих амурных увлечений он почти не скрывал. Свидетели вспоминают о многочисленных коротких, «офицерских» романах Зощенко... Видимо, в слове «офицерский» содержится некоторое суперменство, непродолжительность, внезапный

разрыв... « Труба, мол, зовет в поход»!.. Юрий Карлович Олеша, друг Зоценко, тоже замечательный писатель и большой «бонвиван» в молодости, любил приезжать в Ленинград, останавливаться в шикарном «Европейской», и начиналась их «красивая жизнь». Одна из участниц тех встреч вспоминает, как они с Олешей ждали Зоценко на углу Невского, и вдруг Олеша сказал: «А вот идет Зоценко на его кроватных ножках... только не говорите это ему!» Гении резвились. Было время, когда и денег было полно, и поклонницы не давали проходу.

Одной из наиболее известных «пассий» Зоценко (их отношения тщательно изучены и продокументированы) была совсем юная, восемнадцатилетняя Оленька Шепелева, второкурсница строительного техникума. Уже замужем была — и вдруг увлеклась чтением, а затем — Зоценко. Она сохранила письма Зоценко к ней — и автор в них смотрится шикарно. Вот он пишет о возможной их встрече в ее командировке в город Николаев: «Я бы тебя провожал на работу, и приготавливал бы тебе завтрак, дурочка!»

Просит ласки: «...а то мне без ласковых слов невозможно жить, и я, как цветочек, угасаю без солнца. Твой старый друг и возлюбленный».

И вдруг: «...а что касается любви, то это, вероятно, не совсем доступно моему воображению, так наверно и проживу, как всегда жил».

В общем — жестокий красавец! И вдруг подписывает: «Ваш дряхлый друг Михаил».

Вот еще одно воспоминание о Зоценко, записанное со слов Евгении Хин, спутницы Зоценко в его поездке в Коктебель в мае 1938 года.

(Из статьи И. А. Свириденко «Крым в судьбе и творчестве Зоценко»).

«...Заметила Зоценко еще на вокзале. Он был в сопровождении молодой спутницы, "звонко болтавшей рядом", был учтив, но отстранен. Как будто погружен в свой внутренний монолог».

(В связи с этим вспоминается отрывок из его биографической повести «Перед восходом солнца»: «К. без конца что-то говорит. Но я не очень вникаю в ее речь. Я слушаю ее слова, как музыку»)..

Картинка, безусловно, эффектная. Но это еще не все. Хин вспоминает: «...пара прощалась перед моим окном. Вдруг, к моему удивлению, женщина поцеловала руку своему спутнику, а затем стала целовать другую — и еще, и еще! И он, мягко и снисходительно улыбаясь, тоже прикоснулся губами к ее руке».

Да-а. Сказать, что Зоценко так уж «морально раздавлен» нападками врагов, нельзя... Человек цену себе знает! И «лучшая из оценщиц» — молодая поклонница! Зоценко можно понять: должен же он хоть как-то отпраздновать свой феноменальный успех — не все же время оправдываться перед партийцами!

«...сопоставляя даты и факты, — пишет исследователь, — можно предположить, что той женщиной была Ольга Шепелева».

Та, что целовала его руки... В 1994 году опубликованы письма Зоценко к Ольге Шепелевой... в том числе его письма из той поездки в Коктебель, когда спутницей М. Зоценко оказалась Евгения Хин. Из этих писем следует, что Зоценко раньше уже бывал с Ольгой Шепелевой в Коктебеле — и только вот теперь, увы, не сложилось: «В первый день поглядел в ваше окошечко, где вы жили...»

Обращение на «вы» с близкими людьми — это стиль Зоценко, «светский», но слегка снисходительный, высокомерно-отстраненный...

Главные удовольствия в Коктебеле он получал, по воспоминаниям Хин, «от литературных игр и танцев лунной ночью под патефон и шум моря».

Однако в письме своей возлюбленной Ольге он все рисует иначе: «Вечерами уж очень нечего делать. Тут, правда, танцуют под патефон в столовой. Но более трех пар не бывает. И партнерши жутковатые»... Скучает, стало быть!

Уже давно Зоценко нет — а каждый его шаг скрупулезно исследуют... Несчастливая судьба? Или, наоборот, счастливая? Надо сказать, что абсолютно все поклонницы Зоценко оставили о нем воспоминания самые восторженные. Та же Евгения Хин пишет: «...очаровательный собеседник, огромная эрудиция которого облекалась в столь изящную форму, что не только не задевала никого, но наоборот — возвышала. Трудно себе представить кого-то еще, перед кем легче было бы исповедаться, открыть свое самое заветное и трудное...»

...В этом им Зоценко помогал. А женщины помогали жить ему, вытаскивали его из депрессий. Постоянно окруженный юными красавицами, «моралистов» он, безусловно, раздражал — и славой, и «моральным обликом».

Во все свои частые приезды в Коктебель Зоценко проявлял постоянство: жил в одном и том же отдаленном домике, в комнате №10, в столовой сидел за одним и тем же столом, за которым к нему никого не подсаживали. Но, несмотря на отстраненность, он сразу же стал «лидером кружка» (по свидетельству Е. Хин).

Когда ему показалось, что Дом творчества в Коктебеле выглядит неприглядно, он написал письмо своему старому другу — серапиону Всеволоду Иванову, который в то время возглавлял Литературный фонд, — и дружески попросил его выделить деньги, причем немалые, на ремонт коктебельского Дома Творчества. И деньги были выделены. И Дом отремонтирован. Зоценко отнюдь не был беспомощен, силу свою он знал, и умел ею воспользоваться.

В сентябре 1938 года он снова выезжает на отдых в Коктебель — и снова, по свидетельствам очевидцев, пользуется вниманием «муз». И правильно! Не все же время о неприятностях думать.

Он не чувствовал себя «морально скованным». О его романах можно написать целую книгу... Правда, в его отношениях с женщинами все больше проявляется некоторая холодность, и даже — насмешливость.

Вот воспоминания С. Гитович:

«Михаил Михайлович беззвучно смеялся.

— А вот хотите, — сказал он, — я вам расскажу о женской лжи? Когда-то у меня была возлюбленная, имевшая мужа-ревнивца, который старался ее не отпускать никуда ни на шаг. Несмотря на это, она ухитрилась со мной встречаться, придумывая различные уловки. Так, однажды она сказала дома, что у нее уезжает подруга, которую она должна проводить на вокзал, а сама пришла ко мне.

И вот, сидя в рубашечке на краешке стола, она звонит мужу и сладким голосом говорит, что только что отошел поезд, и она скоро будет дома. "Но поезд отходит в десять часов пять минут, а уже одиннадцать", — резонно замечает муж. "Не знаю, как по твоим, — запальчиво говорит она, — но по вокзальным десять"».

Присущие ему скепсис и меланхолия порой отравляют чувства. И — Зоценко не был бы собой, если бы не изобразил свои «терзания» в самом ироническом стиле:

«Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины — те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

— Эво, какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился! Как, — говорят, — ему не стыдно? Навернул на себя три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив. Прилично одетая дама, с остатками поблекшей красоты, пристально смотрит на меня.

Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно люблю стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось, Александр Сергеевич.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

— Извините, уважаемый... Очень, — говорит, — мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

«Ну да, конечно, — думаю, — неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты».

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напругой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истошный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то есть я, носит на своих плечах. Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

«Ах, вот отчего на меня не смотрят! — говорю я сам себе. — Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни».

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

«Ну, ладно, обойдусь! — говорю я сам себе. — Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина».

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

«Это брехня! — говорю я себе. — Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!»

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

Но вот что интересно — этот небольшой случай произошел со мной года два назад.

И хотя за эти два года я, казалось бы, еще больше постарел, но тем не менее этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И, главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил черт знает в каких штанах и в дырявых спортивных туфлях. И вот тем не менее это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви».

Да, несмотря на годы, все новые «музы» появляются в жизни Зоценко. Они помогают ему... а потом уже и спасают его!

И пора уже сказать о главной «музе» и спасительнице Зоценко — Лидии Александровне Чаловой. Начало их романа (по воспоминаниям С. Гитович) было таким:

«...Вот по длинному коридору в расстегнутом пальто и темной кепке медленно идет Михаил Михайлович. В вывернутой руке, как ружейный приклад, он держит тугой колючий ананас, издали похожий на черепаху.

Тогда ананасы были в диковинку, и все встречные с интересом смотрели на Зоценко, на большой с прозеленью ананас и знали, что он его несет старшему техреду, роковой женщине — Лидочке Чаловой. Любопытные сослуживцы, как бы невзначай, проходя, открывали дверь и заглядывали в комнату техредов, и мне сквозь раскрытую дверь был виден заваленный бумагами стол, и на гранках, как бронзовый идол, стоял ананас, а над ним маячило розовое, хорошенькое личико Чаловой.

Напротив ее стола сидел Михаил Михайлович — подтянутый, изящный, вежливый, смотрел на нее печальными глазами и, улыбаясь, ей что-то говорил.

Потом я видела, как Лидочка надевает синюю поддевичку с серой мерлушкой и, сунув Михаилу Михайловичу свой портфель, в одну руку берет ананас, а другой цепляется за рукав Зоценко и, смеясь и что-то щебеча, уводит его коридором Госиздата».

Дорога их оказалась длинной.